

Глава 37: Ли Сюй становится крёстным отцом Фэйфэя

Выслушав историю Ли Сюя, Линь Сынянь вскинул бровь.

— У тебя была травма руки?

Ли Сюй поднял правую руку.

— Да, давно, когда играл в баскетбол, получил трещину в кости. Но ничего серьёзного, наложили гипс, и через некоторое время всё зажило.

Именно поэтому Ли Сюй и придумал такую версию. Любой, кто зарабатывает на жизнь руками, предъявляет к ним куда более высокие требования, чем обычный человек: гибкость, контроль, чувствительность — всё должно быть на высоте.

Это идеально вписывалось в его легенду.

Особенно для него, «Руки Бога», гениального кондитера. Он мог смело утверждать, что после травмы рука слушается его хуже, чем раньше. Что? Обследование показало, что всё в норме? Разве обследование может быть точнее моих собственных ощущений? Если я говорю, что ущерб необратим, значит, так оно и есть!

Разве неправдоподобно, что я, сломленный травмой и разочарованный, решил сменить профессию ещё до того, как успел дебютировать в мире кондитеров?

А на днях, на дне рождения крёстного сына, я был так счастлив, что почувствовал небывалый прилив вдохновения. И — о, чудо! — с вероятностью один на тысячу мне снова удалось создать такой десерт. Разве это не возможно?

Конечно, такое состояние души — вещь редкая и непредсказуемая. Повторится ли оно — зависит от удачи. Если вы готовы ждать, я не против.

— Постой, кто твой крёстный сын? — внезапно прервал его Линь Сынянь.

— А тут и спрашивать нечего, конечно, Фэйфэй, — уверенно и неторопливо ответил Ли Сюй. — Если бы он не был моим крёстным сыном, если бы я не любил его так сильно, с чего бы мне, подавив душевную боль и разочарование, возвращаться к старому ремеслу, чтобы испечь ему торт на день рождения?

С таким талантом мгновенно вживаться в роль ему стоило быть не менеджером, а актёром! Со временем, глядишь, и до «Золотого киноимператора» бы дослужился, как Линь Сынянь.

Надо сказать, намерение Ли Сюя стать крёстным отцом Фэйфэя было более чем очевидным, и он никогда его не скрывал. Просто Линь Сынянь до сих пор не хотел, чтобы у малыша был крёстный.

Но сегодня Ли Сюй выбрал идеальный момент. С какой стороны ни посмотри, он не был обязан делать всё это. А раз уж он сделал, семья Линь оказалась у него в долгу.

На самом деле, то, что делал малыш, не было чем-то из ряда вон выходящим. В этом мире многие и многие люди на протяжении веков занимались тем же самым.

Своим существованием они несли другим радость. Так поступали актёры, комики, писатели, кондитеры и даже повара.

Вот только большинство из них достигали этого упорным трудом и делали это сознательно. А малыш был таким от природы, и всё происходило бессознательно.

Разница была колоссальной. Это как два человека. Один до поздней ночи корпит над учебниками, на уроках боится отвлечься и всё записывает, после занятий бегаёт по репетиторам и дополнительным курсам. И вот, ценой невероятных усилий, он с трудом сдаёт экзамен на шестьдесят баллов — ровно на проходной.

А другой, едва появившись на свет, ещё даже ручку держать не умеет, лежит в кроватке, сосёт палец и дрыгает ножками. Но стоит на него посмотреть — и ему даже экзамен сдавать не нужно, сразу высший балл!

Пропасть между обычным человеком и гением была огромна и очевидна.

А Фэйфэй, он был маленьким гением радости.

На самом деле, никто из семьи Линь не собирался вечно прятать Фэйфэя или в чём-то его ограничивать. Просто он был ещё слишком мал.

Настолько мал, что его жизнь только начиналась. Настолько мал, что он совершенно не понимал, что его врождённый дар значит для этого мира. Настолько мал, что никто не хотел, чтобы в таком нежном возрасте он столкнулся с суетой и тревожностями внешнего мира.

Поэтому решили подождать. По крайней мере, до тех пор, пока Фэйфэй благополучно не пройдёт переходный период. Только тогда они смогут со спокойной душой позволить ему самому принимать решения о своём будущем.

Переходный период — трудное испытание для каждого ребёнка.

В этом мире не зря говорили: «Только ребёнок, прошедший переходный период, по-настоящему начинает жить». Это подчёркивало всю его сложность и опасность.

Опасность заключалась не в физической боли, а в душевных муках.

Сейчас семья Линь старалась даже не думать о переходном периоде. От одной мысли об этом Линь Сыняню с трудом удавалось сохранять спокойствие.

Если эта способность дарить чистую радость была лишь мимолётным явлением его детства, то Линь Сынянь, Линь Гошэн и все остальные были полны решимости подарить ему в это драгоценное время самое полноценное детство.

В конце концов, Линь Сынянь уступил, согласившись с тем, что Ли Сюй будет называть себя крёстным отцом Фэйфэя.

Когда разговор был окончен, вернулся Линь Хань с Фэйфэем. Ли Сюй, не в силах скрыть сияющей улыбки, подхватил малыша и высоко поднял над головой.

— Фэйфэй, скажи «крёстный папа», дай послушать!

Малыш, озадаченный, оказался в воздухе. Но поскольку его поднял знакомый человек, он не испугался, только покачал ножками и растерянно пролепетал:

— Крёстный папа?

Что такое «крёстный папа»? Папа ему не объяснял.

Разделавшись с делами, Линь Цзинли пребывал в редком игривом настроении. Он наклонился к Фэйфэю и объяснил:

— Крёстный папа — это как папа. Теперь твой дядя Ли будет твоим крёстным папой.

— Наполовину, — тихо добавил Линь Сынянь, но это всё же было официальным признанием статуса Ли Сюя.

Получив подтверждение от дяди и папы, Фэйфэй, которого Ли Сюй уже опустил и держал на руках, обнял его за шею и нежно потёрся щекой о его плечо, словно маленький зверёк, запоминающий запах ещё одного родного существа. После этого он звонко и отчётливо произнёс:

— Крёстный папа!

От этого слова у Ли Сюя чуть не навернулись слёзы.

В ту ночь, оставшись в гостевой комнате дома Линь, взволнованный Ли Сюй не мог уснуть.

В конце концов он схватил телефон и набрал номер своего личного адвоката, Чу Ияна. Как только на том конце ответили, он, не дожидаясь приветствия, выпалил:

— Алло? Чу-гэ, ты меня слышишь? Я хочу изменить завещание. Хочу добавить наследника!

Чу Иян, разбуженный среди ночи, помрачнел, как дно котла. Не в силах сдержать раздражение, он забыл о профессиональной этике и рявкнул:

— Ли Сюй, ты в своём уме? Перепил, что ли?

Он только что принял снотворное и, с трудом поборов привыкание к препарату, наконец заснул, как его разбудил этот звонок. Да кто угодно бы взбесился!

Голос Ли Сюя снова стал спокойным.

— Не перепил, я абсолютно трезв. Я хочу вписать в наследники сына Линь Сыняня, то есть моего крёстного сына.

На том конце повесили трубку.

Минут через десять телефон зазвонил снова. На этот раз Чу Иян уже восстановил подобающий профессиональный тон.

— Что именно ты хочешь изменить?

— Семейный бизнес, что на мне числится, включая акции и фонды, по-прежнему останется брату. Но моё личное имущество, если у меня не появятся других прямых наследников, я хочу полностью оставить сыну Линь Сыняня, Линь Лэфэю.

Его ситуация была схожа с ситуацией Линь Сыняня: в обеих семьях был старший брат, который взвалил на себя бремя семейного дела, позволив младшим свободно выбирать свой путь.

А завещание... это была просто привычка. Он составил его, как только достиг совершеннолетия.

— Завещание нужно нотариально заверить. Если хочешь внести изменения, давай встретимся и обсудим детали, — сказал Чу Иян.

— Хорошо, — согласился Ли Сюй. — Как насчёт послезавтра в пять вечера?

— Договорились, — кивнул Чу Иян.

Они назначили время встречи. Перед тем как повесить трубку, он между делом спросил:

— Этот твой крёстный сын... это тот самый ребёнок, из-за которого к Сыняню приходила женщина, а потом подписала отказ от опеки?

Он тогда присутствовал при этом и кое-что запомнил.

— Да, — коротко ответил Ли Сюй, не желая развивать эту тему.

Они обменялись ещё парой фраз и закончили разговор.

Ли Сюй, заложив руки за голову, ещё с полчаса пролежал в тишине, прежде чем медленно погрузиться в сон.

***

Ли Сюй сдержал слово. На следующий день история о «кондитере» начала распространяться, достигая ушей как заинтересованных, так и случайных людей.

Те, кто был не в курсе, восприняли это как очередную байку от скуки. Некоторые жители города С презрительно фыркали: «Я вырос в городе С и никогда о таком человеке не слышал! Этот слух так быстро разлетелся, наверняка какая-нибудь элитная кондитерская открывается, вот и пиарятся».

Однако те немногие, кто только что получил от Ли Сюя партию конфет, не могли не задуматься о правдивости этой истории.

Перед Цуй Гуаном лежали два пакетика с фруктовыми карамельками, завёрнутыми в прозрачную бумагу.

Один из них Фэйфэй подарил Цуй Юаню во время прошлого визита господина Цуя. Другой он забрал со стойки регистрации в «Звёздных развлечениях».

Первый пакетик был дорог как память о сыне, но, по правде говоря, конфеты в нём были просто вкусными, и не более того.

А вот второй был совсем другим. Хотя в нём всё ещё попадались неудачные экземпляры, среди

них были и настоящие сокровища.

Всё было так, как он и предполагал: Ли Сюй и был тем самым кондитером!

И то, что лишь немногие конфеты обладали нужным эффектом, подтверждало легенду о низкой вероятности успеха. Он даже, скрепя сердце, отдал половинку конфеты на анализ. Результаты показали, что состав был до смешного прост, никаких особых ингредиентов — обычная конфета.

Единственным необычным элементом, пожалуй, был тот, кто её создал. Любое ремесло, доведённое до совершенства, выходит за рамки обыденной логики.

К тому же, до этого во всём городе С действительно никто не слышал о таком кондитере, и Ли Сюй, похоже, и вправду не готовил десерты ни для кого, кроме младшего внука семьи Линь.

Можно было понять, почему у мастера есть свои причуды и почему он не хотел выходить на сцену, пока не достигнет идеала. Но как жаль, что из-за травмы руки такая жемчужина осталась сокрытой. От одной мысли об этом сердце сжималось от боли.

Это также объясняло, почему Ли Сюй так прохладно относился к тем, кто хотел купить у него десерты, и даже оставил сладости на ресепшене, лишь бы не встречаться с ними лично.

Оказывается, он ненароком задел больную тему мастера!

Всё сходилось. Возможно, это сообщение в сети оставил сам Ли Сюй, чтобы его перестали беспокоить.

«Рука Бога» была повреждена. Это потеря не только для него, но и для всех!

Кто это сделал?! Это же настоящее преступление! Такого человека должен судить Трибунал и уечь в тюрьму на всю жизнь!

Цуй Гуан на мгновение задумался, глядя в телефон. В итоге он решил не звонить Ли Сюю, а набрал номер Линь Сыняня.

— Алло? Цуй-гэ, что-то случилось? — ответил Линь Сынянь. — Надеюсь, не из-за Ли Сюя?

— Ли-даши с вами говорил? — удивился Цуй Гуан.

*Мастер Ли.

«Ли-даши»? Что за дурацкое прозвище, как у гадалки с рынка. Лишь бы не меня так называли, подумал Линь Сынянь.

Он включил всё своё актёрское мастерство.

— Вчера он был не в настроении, выпил лишнего и рассказал.

Так и есть! Он действительно задел мастера за живое!

— Я только сейчас об этом узнал, неловко получилось перед Ли-даши. Но что всё-таки случилось с его рукой? Если преступник ещё на свободе, моя семья Цуй готова помочь!

В голосе Цуй Гуана прозвучали стальные нотки.

— А, он сам, когда в баскетбол играл, на ограждение налетел, вот и получил трещину в кости,
— ответил Линь Сынянь. — Вы только при нём эту тему не поднимайте. Каждый раз, как вспомнит, напивается и плачет, что по молодости глупостей натворил, теперь локти кусает.

Цуй Гуан замер.

<http://bllate.org/book/13654/1589208>